

том; видит во сне, что блещет свет в глазах его, проснулся, и в самом деле воображение так было разгорячено, что казалось ему, вокруг стен бегают свет, и с сим вместе полились потоки слез из глаз у него; он встал и в ту ж минуту, при освещающей лампаде, написал последнюю сию строфу, окончив тем, что в самом деле проливал благодарные слезы за те понятия, которые ему вверены были» (III, 594).

«Записки»: «В течение февраля и марта вздумал он съездить в белорусские деревни, дабы, не выдав их никогда, осмотреть, сделать как бы распоряжения, или, прямо сказать, как они были оброчные, хозяйства никакого в них не было, то, уединясь от городского рассеяния, докончить в них в уединении <...> оду „Бог“. А потому, согласив жену несколько с ним расстаться, отправился в путь. Но доехав до Нарвы, приметя, что дорога начала портиться и что в деревне в крестьянских избах неловко ему будет заняться сочинением, то, оставя повозку и с людьми на ямском постоялом дворе, нашел в городе у одной престарелой немки небольшой покойчик, с тем, чтобы она ему и кушанье приготавливала, докончил ту оду и еще также прежде начатую под названием „Видение Мурзы“. Прожив в сем городе с небольшим неделю, возвратился в Петербург» (VI, 538).

И в «Примечаниях» и в «Объяснениях» Державин заостряет внимание прежде всего на том, какой помехой творчеству являются «светские, суеты» и «должность». В «Объяснениях» поездка в деревни упомянута как повод, она как бы предпринята только ради того, чтобы обрести уединение, пережить порыв вдохновения. И автор «Объяснений» — это именно поэт, человек способный на такой порыв. Державин особо отмечает подлинность своего переживания, соответствие пережитого и описанного: «в самом деле» проливал он благодарные слезы.

В «Записках» же Державину прежде всего важно описать состояние дел в своих деревнях, именно в «Записках» наиболее подробно описаны бытовые обстоятельства поездки. Характерно, что только в «Записках» говорится о работе над «Видением Мурзы». Рассказ об одновременной работе над двумя одами не соответствовал бы представлению о высоком и исключительном порыве, связанном с написанием оды «Бог». Но об этом порыве вдохновения в «Записках» вообще ничего не сказано, да его описание и не соответствовало бы общему тону «Записок».

Итак, изучение творческой биографии Державина и попытки реконструкции его творческой психологии должны основываться на сопоставительном анализе всех вариантов его автобиографии. Сами тексты могут быть правильно поняты только в широком историко-культурном контексте. Державин не справился с задачей написания своей творческой автобиографии, хотя такая потребность у него, безусловно, была. Причины, побуждавшие Державина к работе над автобиографией, и конкретные результаты его усилий расширяют наши представления о творческом мировоззрении их автора.